

ПРЕОСВЯЩЕННЫЙ КИРИЛЪ НАУМОВЪ,
ЕПИСКОПЪ МЕЛИТОПОЛЬСКИЙ,

бывшій настоятель русской православной миссіи въ Іерусалимѣ.

XI.

Къ исторіи присоединенія сиро-халдейскихъ несторіанъ къ
русской православной церкви.

(Продолженіе ¹⁾).

Таковы были собранныя архим. Софоніею свѣдѣнія о расположеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ соединенію съ православною церковью и о дѣятельности инославныхъ миссіонеровъ среди нихъ. Свѣдѣнія эти, какъ сказано, архим. Софонія собиралъ преимущественно чрезъ своихъ сотрудниковъ, особенно двухъ братьевъ Меликовъ, Кюйлаассарскихъ жителей, и только отчасти самъ путемъ бесѣды съ нѣкоторыми несторіанами, посѣщавшими его въ Эривани и Кюйлаассарѣ.

Особенное же вниманіе самъ архим. Софонія обратилъ на изученіе вѣроученія, богослуженія, обрядности и церковнаго устройства несторіанской общины. Онъ много потрудился надъ этимъ и собралъ обширныя свѣдѣнія, имѣющія и нынѣ, когда обращеніе несторіанъ сиро-халдейскихъ собственно говоря еще только началось, весьма важное значеніе и представляющія большой интересъ.

Къ рѣчи объ этомъ мы и переходимъ, при чемъ оговариваемся напередъ, что вездѣ мы будемъ имѣть въ виду время начала шестидесятыхъ годовъ XIX в. и что свѣдѣнія объ айсорахъ-несторіанахъ, ниже излагаемая, тщательно проверены нами при посредствѣ одного изъ членовъ сиро-халдейскаго духовенства, обратившагося въ православіе и

¹⁾ См. Труды Киевск. дух. Академіи, августъ 1900 г.

воспитывающагося нынѣ въ одномъ изъ нашихъ высшихъ духовно-учебныхъ заведеній.

Состояніе несторіанской сиро-халдейской церкви, по свѣдѣніямъ, собраннымъ архим. Софонією, было таково.

Іерархію ея составляли патріархъ, митрополиты и епископы, которые всѣ называются у сиро-халдеевъ общимъ именемъ абунъ ¹⁾).

Патріархъ былъ высшимъ правительственнымъ лицомъ. Рѣшенія его въ дѣлахъ вѣры и церкви признавались окончательными и не подлежали ни пересмотру, ни измѣненію. Онъ всегда былъ одинъ и назывался Маръ ²⁾ Шимономъ ³⁾, точно такъ же, какъ іаковитскій патріархъ Маръ-Ігнатіемъ. Имя Шимона принималось несторіанскими патріархами при вступленіи ихъ на патріаршество. Оно не замѣняло, а тѣмъ болѣе не унижало прежняго ихъ имени, но, соединяясь съ нимъ, предшествовало ему въ полномъ титулѣ, при чемъ собственное имя служило къ различенію каждаго отдѣльнаго Маръ Шимона отъ всѣхъ другихъ—его предшественниковъ. Въ то время сиро-халдейскимъ патріархомъ былъ Маръ Шимонъ Рувимъ, а предшественникъ его и вмѣстѣ родной дядя назывался Маръ Шимономъ Авраамомъ.

Маръ Шимонъ Рувимъ патріаршествовалъ съ 1861 года и имѣлъ около 20 лѣтъ отъ роду. Причина столь юнаго возраста патріарха заключалась въ томъ, что санъ епископа, митрополита и патріарха у несторіанъ болѣею частію переходитъ по наслѣдству. Всякій архіерей у нихъ можетъ

¹⁾ Абуна значитъ по-русски: „отецъ нашъ“.

²⁾ Слово „Маръ“ соотвѣтствуетъ греческому „*κυρ*“ и чрезъ усѣченіе образовалось изъ слова: „Марья“ — Господь, какъ греческое слово „*κυρ*“ изъ „*κύριος*“.

³⁾ Патріархи несторіанскіе именовади себя Шимонами согласно своему вѣрованію и для того, чтобы сохранить память о томъ, что Церковь Христова на востокъ была основана ап. Петромъ, который между сиро-халдейцами былъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ Шимона, чѣмъ подъ именемъ Петра.

выбирать себѣ преемника изъ родственниковъ и представляетъ его патріарху на утвержденіе и даже иногда для рукоположенія на мѣсто свое при жизни. Такимъ образомъ, и патріархъ Маръ Шимонъ Рувимъ за два года до смерти дяди своего былъ рукоположенъ имъ во епископа, съ правомъ наслѣдованія патріаршества.

Обыкновеннымъ мѣстомъ пребыванія несторіанскаго патріарха служило небольшое селеніе Кудганусъ, находившееся въ участкѣ Джулаберга въ предѣлахъ восточной Турціи. Селеніе Кудганусъ состояло изъ однихъ служителей патріарха, въ родѣ бывшихъ у насъ штатныхъ монастырскихъ и архіерейскихъ селъ и имѣло три церкви. Одна изъ нихъ, во имя Маръ-Шалиты, была первопрестольною: въ ней находилась кафедра патріарха; въ ней рукополагались всѣ епископы; въ ней же происходило и поставленіе самого патріарха и совершалось мѣровареніе. Свита патріарха Маръ Шимона Рувима, жившая частію въ одномъ съ нимъ домѣ, частію въ отдѣльныхъ, между церквами, состояло изъ трехъ священниковъ и шести діаконѣвъ, изъ етихъ послѣднихъ трое были его дяди, а четвертый—отецъ.

Управленіе патріарха было общее и частное. Первое обнимало всю церковь и состояло въ томъ, что патріархъ 1) утверждалъ представлявшихъ ему епархіальными архіереями кандидатовъ на епископство; въ случаѣ же непредставленія кандидата, или неодобренія представленнаго, 2) самъ избиралъ, кого признавалъ достойнымъ и способнымъ къ тому, и рукополагалъ его; 3) возводилъ епископовъ въ достоинство митрополитовъ; 4) награждалъ особенно заслуженныхъ изъ нихъ наперсными крестами; 5) расширялъ, или же сокращалъ предѣлы епархій и даже открывалъ новыя; 6) назначалъ время для мѣроваренія, созывалъ для этого епископовъ и священниковъ и освящалъ мѣро, и, наконецъ 7) утверждалъ расторгеніе браковъ, по представленіямъ епископовъ.

Частное управленіе патріарха простиралось на одну его епархію, состоявшую въ упомянутомъ участкѣ Джулаберга, и ничѣмъ не отличалось отъ управленія другихъ епископовъ.

Второе мѣсто въ іерархіи сиро-халдейской несторіанской церкви занимали митрополиты, называвшіеся обыкновенно матранами. Ихъ было два: одинъ въ турецкихъ владѣніяхъ, другой въ персидскихъ. Оба они, кромѣ своихъ епархій, которыми управляли, какъ мѣстные епископы, болѣе или менѣе завѣдывали еще цѣлыми округами, которыхъ было также два—сардійскій (въ Турціи) и урмійскій (въ Персіи). Матраны относительно подчиненныхъ имъ епископовъ и епархій занимали почти такое же положеніе, какъ митрополиты эфоры въ константинопольскомъ патріархатѣ.

Матранъ сардійскій, кромѣ общихъ ему съ матраномъ урмійскимъ правъ и преимуществъ, пользовался еще особыми правами, состоявшими въ томъ, что онъ 1) поставлялъ самого патріарха и находился къ нему, по понятіямъ сиро-халдейцевъ, въ такомъ же отношеніи, какъ Іоаннъ Предтеча къ Іисусу Христу; 2) дѣлаясь матраномъ, онъ, какъ и патріархъ, принималъ особое имя и назывался Маръ Хнанишу¹⁾, 3) имѣлъ особую круглую печать, которая, по объему своему, почти равнялась печати патріарха и въ которой онъ титуловался начальникомъ, или главнымъ (Шаманъ) восточныхъ христіанъ Сарда; наконецъ, 4) ему одному было предоставлено право имѣть при себѣ викаріевъ.

Означенныя преимущества матрана сардійскаго служили причиною того, что всякій Маръ-Хнанишу имѣлъ большее предъ другими вліяніе на управленіе церковію, а потому пользовался и большимъ почетомъ между своими соплеменниками.

¹⁾ Слово „Хнанишу“ состоитъ изъ 1) Хнанъ, или Ханаанъ=благословенный, и 2) Ишу=Іисусъ, и значитъ: благословенный Іисусомъ.

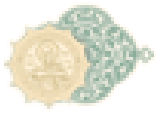
Но тоговременный Маръ-Хнанишу, какъ маститый старецъ, какъ сверстникъ и другъ покойнаго патріарха и какъ кроткій и благочестивый архипастырь, имѣлъ особенное вліяніе на дѣла церковныя и пользовался непрерываемымъ уваженіемъ не только въ народѣ, но и среди самыхъ епископовъ. По преклонности лѣтъ своихъ, онъ уже не управлялъ своею епархіею, а имѣлъ при себѣ, кромѣ двухъ викаріевъ, еще особаго коадъ-ютора, племянника своего. который, будучи рукоположенъ во епископа еще въ 1857 году, былъ возведенъ даже и въ достоинство митрополита, но не принялъ еще имени Маръ-Хнанишу, а назывался просто Маръ Іосифъ.

Епархію матрана Маръ-Хнанишу составлялъ участокъ поджійскій, а каѳедра его находилась въ селеніи Беджеви. Одинъ изъ викаріевъ матрана—Маръ Денха прежде имѣлъ мѣстопробываніе въ селеніи Тиссъ (въ томъ же участкѣ), но съ разграбленіемъ и опустошеніемъ въ 1861 году этого селенія мусульманами, Маръ Денха оставилъ родину и съ 22 декабря 1861 года сталъ жить въ русскихъ предѣлахъ въ селеніи Кюлассаръ Эриванской губерніи. Другой викарій, епископъ Маръ Юхананъ имѣлъ свою каѳедру въ селеніи Деріа, гдѣ и жилъ постоянно.

Епархія матрана урмійскаго обнимала весь участокъ Барендугъ и заключала въ себѣ болѣе 50 селеній и часть г. Урміи, называемую Гель Паталиханъ; но каѳедра и постоянное мѣстопробываніе его находились въ селеніи Ардышай.

За матранами слѣдовали епископы, коихъ было семь: пять епархіальныхъ, изъ коихъ два были въ Турціи и три въ Персіи, и два викарія, состоявшихъ при матранѣ Маръ Хнанишу.

Въ Турціи находились несторіанскіе епископы: Маръ-Слыва и Маръ-Саркисъ; первый имѣлъ епархію въ участкѣ Гяверъ, а каѳедру и мѣстопробываніе въ селеніи Ба-

жерья; епархія второго находилась въ участкѣ Джилюй, а каеэдра—въ селеніи Храпнусъ. Въ Персіи жили епископы: Маръ - Юхананъ, Маръ - Іосифъ и Маръ - Илія; епархія Маръ Юханана была одною изъ обширнѣйшихъ, такъ какъ въ ней находилось болѣе 30 селеній, а каеэдру онъ имѣлъ въ селеніи Гявиланъ. Епископы: Маръ-Іосифъ и Маръ-Илія имѣли въ своемъ вѣдѣніи по одному только селенію, которыя и составляли ихъ епархіи: селеніе Ада, въ участкѣ Назлучай, управлялось Маръ Іосифомъ, а селеніе Гюйтапа, въ томъ же участкѣ, Маръ Иліею; первое имѣло 184, а второе 200 домовъ.

Главная причина неравномѣрности несторіанскихъ епархій заключалась въ томъ, что пространство и объемъ всякой епархіи опредѣлялись достоинствомъ епарха, а достоинство этого постѣдняго, въ свою очередь, опредѣлялось числомъ предшествовавшихъ ему епископовъ изъ его рода. Епископы Іосифъ и Илія первые изъ своего рода сдѣлались абунами, а къ тому же ихъ епархіи наиболѣе пострадали отъ распространенія въ нихъ протестантизма; епископъ же Маръ-Юхананъ насчитывалъ въ своемъ родѣ болѣе 10 абунъ.

Кромѣ означенныхъ несторіанскихъ епископовъ, въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь, готовился къ рукоположенію въ санъ епископа арканъ (т. е. архимандритъ) Баба, съ принятіемъ новаго имени Маръ Іоны¹⁾. Ему имѣла быть дана особая епархія, но какая,—еще не было рѣшено. Въ то время онъ жилъ въ селеніи Супарганъ, принадлежавшемъ епархіи патріарха, и управлялъ имъ въ качествѣ епарха²⁾.

¹⁾ Изъ этого отчасти можно заключать, что у сиро-халдеевъ былъ обычай, чтобы поставляемые во епископа принимали новое имя; но было ли на то какое постановленіе у нихъ, распространявшееся на всѣхъ, или же это зависѣло отъ произвола, неизвѣстно.

²⁾ Это, какъ видятъ читатели, и есть тотъ Маръ Іона, епископъ супорганскій и урмійскій, который былъ во главѣ депутаціи сиро-халдейцевъ, присоеди-

Итакъ, высшую іерархію сиро-халдейской несторіанской церкви составляли въ данное время слѣдующія лица: одинъ патріархъ Маръ-Шимонъ-Рувимъ, три матрана: Маръ-Хнанишу, Маръ-Іосифъ и Маръ-Гавріилъ. шесть епархіальныхъ епископовъ: Маръ-Слыва, Маръ-Саркисъ, Маръ-Юхананъ, Маръ-Іосифъ, Маръ-Илія и Маръ-Іона; два епископа викарныхъ: Маръ-Денха и Маръ-Іоаннъ и одинъ кандидатъ на епископскій санъ—аркянъ Іона.

Низшую іерархію сиро-халдейской несторіанской церкви составляли: священники, архидіаконы и діаконы. Архимандритовъ и игуменовъ у несторіанъ сиро-халдейскихъ не было, потому что съ давняго времени у нихъ не существовало ни одного монастыря. Монастыри были упразднены не вслѣдствіе какого либо каноническаго постановленія церкви, которая всегда ихъ почитала и почитаетъ, но по невозможности ихъ существованія, вслѣдствіе непрерывныхъ мусульманскихъ нападений и разграбленій, которымъ всегда подвергались прежде всего монастыри. Впрочемъ, архимандритовъ не было у сиро-халдейскихъ несторіанъ только какъ настоятелей монастырскихъ; званіе же архимандрита у нихъ сохранилось и давалось нѣкоторымъ заслуженнымъ духовнымъ лицамъ.

Все низшее духовенство несторіанское должно было находиться въ брачномъ состояніи, при чемъ, если у священника или діакона умирала жена, то ему позволялось вступать не только во второй, но и въ третій и четвертый бракъ, лишь бы только онъ всегда былъ *единыя жены мужемъ*. Но изъ этого правила исключались тѣ родственники абунъ (иногда даже и не родственники), которые назначались ими въ преемники. Такіе заблаговременно отдѣлялись отъ своихъ

ненихъ торжественно къ православной церкви 25 марта 1898 года въ Александро-Невской лаврѣ. См Церков. Вѣст. 1898 г. № 13 стр. 453 и слѣд.; ср. тамъ же № 15 стр. 530.

семействъ и воспитывались особо подъ наблюденіемъ самихъ абунъ, и, если оказывались способными къ жизни духовной, то производились въ діаконы и священники безъ вступленія въ бракъ. Имъ-то незадолго до рукоположенія во епископа давался титулъ аркяна, что, по понятіямъ айсоровъ, означало челоуѣка, ведущаго монашескую жизнь и готовящагося быть епископомъ, такъ что всякій аркянъ былъ уже утвержденнымъ кандидатомъ на епископство, и наименованіе аркяномъ у нихъ было то же, что у насъ нареченіе во епископа.

Между священниками несторіанскими не было ни степени, ни званія протоіерея. Всѣ они безъ различія называются каша или кашиша (по книжному „кяна“, что значитъ преподобный).

Между діаконами (шамшана) различались первенствующіе, которые назывались архидіаконами. А такъ какъ архидіаконами дѣлались большею частію родственники, или приближенные абунъ, то естественно, что они всегда и отъ владыкъ пользовались особеннымъ вниманіемъ къ себѣ и отъ клира большимъ почетомъ. Отсюда образовалось въ народѣ понятіе, что архидіаконы въ несторіанской церкви выше и важнѣе священниковъ и что они занимаютъ въ ней мѣсто протоіереевъ и архимандритовъ въ греческой и русской церкви.

Священство у сиро-халдейскихъ несторіанъ пользовалось очень большимъ почетомъ и потому большею частію удерживалось въ родѣ, передаваясь по прямой линіи, какъ это было прежде и у насъ. Поставленіе священника изъ постороннихъ бывало очень рѣдкимъ явленіемъ, вызывавшимся какими либо особенно уважительными обстоятельствами. Изъ мірянъ во священники могли поступать только благородные (мелики), или учившіеся особенно и много. Священники, дѣти священниковъ, или меликовъ старались обозначать эт-

даже въ титулахъ своихъ, напр., каша Орагамъ, сынъ каши Лазаря, или каша Едгеръ-меликъ.

Званіе діаконовъ¹⁾, за исключеніемъ тѣхъ, которые были при абунахъ, не пользовалось у сиро-халдейскихъ несторіанъ особеннымъ значеніемъ и уваженіемъ. Но какъ достиженіе діаконскаго званія было невозможно для простолюдиновъ, хотя бы и грамотныхъ, такъ и сдѣлавшіеся діаконами почти не возвышались надъ классомъ чернорабочихъ. Архим. Софонія лично видѣлъ въ Эривани урмійскаго діакона Ошану, который ежегодно приходилъ въ Эривань для заработковъ и цѣлую зиму плотничалъ, какъ обыкновенный чернорабочій, за малую цѣну.

Отличительныя особенности вѣроученія сиро-халдейскихъ несторіанъ, насколько могъ узнать ихъ архим. Софонія, заключались въ слѣдующемъ.

Основаніемъ вѣроученія сиро-халдейскихъ несторіанъ служилъ никейскій символъ, или, говоря словами ихъ, „вѣрованіе, составленное 318 отцами, епископами, собранными въ Никеѣ, городѣ виоинскомъ, во времена Константина благочестиваго, противу Арія еретика“. Но какъ никейскій символъ впослѣдствіи былъ дополненъ изложеніемъ православнаго вѣроученія о Третьемъ Лицѣ Пресв. Троицы на второмъ вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ, то и сиро-халдеи нашли необходимымъ сдѣлать восполненіе того же члена, и сдѣлали это, только не совсѣмъ точными словами собора, а измѣнивъ ихъ, по своему разумѣнію, такъ: „и во единого Духа Святаго, Духа истиннаго, иже отъ Отца исходящаго, Духа животворящаго“. Отсюда произошла первая и болѣе ощутительная разность между символомъ православнымъ и несторіанскимъ.

¹⁾ Изъ писемъ русскаго миссіонера священника В. Синадскаго, видно, что въ сиро-халдейской несторіанской общинѣ до послѣдняго времени сохранилось званіе *диакониссъ* См. Церк. Вѣст. 1898 г. № 13 стр. 457.

Другія разности въ символѣ, состоящія частію въ при-
бавленіи, частію въ опущеніи нѣкоторыхъ словъ и выраже-
ній, а частію въ отличномъ (отъ православнаго) выраженіи
одного и того же, явились, какъ слѣдствіе вліянія на сирій-
скихъ и месопотамскихъ христіанъ со стороны разныхъ
символовъ, долго ходившихъ въ древности по Востоку, осо-
бенно же символа св. Аѳанасія Александрійскаго, поборника
православія. Посему всѣ эти разности были неважны и тѣмъ
болѣе не содержали въ себѣ чего либо еретическаго ¹⁾.

Что касается толкованій и болѣе пространнаго изложе-
нія этого вѣроученія, то ихъ, насколько могъ убѣдиться въ
этомъ архим. Софонія путемъ нарочитыхъ бесѣдъ съ епи-
скопомъ Маръ-Денха и урмійскимъ священникомъ Миха-
иломъ, совсѣмъ не было у сиро-халдейскихъ несторіанъ.

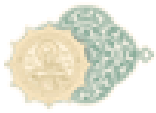
Догматъ воплощенія Сына Божія исповѣдывался сиро-
халдеями въ общихъ выраженіяхъ, т. е., что Іисусъ Хри-
стосъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ. Что же
касается того, когда и какъ соединились въ Немъ Божество
и человѣчество, а также и того, сколько воли и дѣйствій въ
лицѣ Богочеловѣка, то въ подобные богословскіе вопросы

¹⁾ Приводимъ самый текстъ несторіанскаго символа вѣры, заимствованный
архим. Софоніею изъ одной богослужебной сиро-халдейской книги, изъ псалтири
соотвѣтствующей нашей, называемой слѣдованною, хотя она содержала въ себѣ
большую частію инны послѣдованія, чѣмъ наша: „Вѣруемъ во единого Бога, Отца.
Вседержителя, Творца всего видимаго и невидимаго. И во единого Господа Іесу-
са Христа, Сына Божія, единороднаго, *перворожденнаго* *всѣя твари*, иже отъ
Отца рожденна прежде всѣхъ міровъ и несотворенна, Бога истинна отъ Бога
истинна, единосущна Отцу, Имже міры сотворены и создана всяческая. Насъ
ради человѣкъ и нашего ради спасенія спешаго съ небесъ и воплотившагося
отъ Духа Свята и вочеловѣчаша, *бывшаго во утробѣ и родившагося* отъ
Маріи Дѣвы, и страдаша и распята при Понтійстѣхъ Пилатѣ и погребенна, и
воскресшаго въ третій день по писаніямъ, возшедшаго на небеса и сѣдѣща одѣ-
сную Отца и паки готоваго придти судить мертвыхъ и живыхъ. И во единого
Духа Святаго, Духа истиннаго, иже отъ Отца исходяща, Духа животворящаго
Во едину святую и апостольскую и соборную церковь. Исповѣдуемъ едино кре-
щеніе во оставленіе грѣховъ, воскресеніе тѣла и жизнь во вѣки“.

сиро-халдейскіе несторіане, по крайней мѣрѣ, въ то время, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, совсѣмъ не входили, довольствуясь тѣмъ, что они ни въ чемъ не противорѣчили никейскому символу вѣры. Архим. Софонія полагалъ, что и тѣ несогласія въ вѣрованіи, которыя такъ сильно волновали нѣкогда христіанскій Востокъ и послужили средостѣніемъ между несторіанскимъ обществомъ и православно-вселенскою церковію, были забыты, или, по крайней мѣрѣ, оставлены къ тому времени несторіанами, среди которыхъ просвѣщеніе совершенно упало. Этимъ объяснялось, по его мнѣнію, и то, почему съ такою увѣренностію и, безъ сомнѣнія, по совѣсти, утверждали несторіанскіе епископы: Маръ Іосифъ (въ бесѣдѣ съ экзархомъ Грузіи Исидоромъ, впослѣдствіи петербургскимъ митрополитомъ) и Маръ-Денха (въ бесѣдахъ съ архим. Софоніею), что несторіане сиро-халдейскіе такъ же православны, какъ и русскіе, и что между тѣми и другими нѣтъ никакого различія.

Но это было справедливо только субъективно, т. е. относительно убѣжденій сиро-халдейцевъ. На самомъ дѣлѣ сиро-халдейцы и въ то время, о которомъ у насъ рѣчь идетъ, съ настойчивостію утверждали, что пресв. Дѣва Марія, родивъ Христа Іисуса, не рождала Бога Слова, рождающагося предвѣчно отъ Отца, и потому есть Христородица, а не Богородица. Въ то же самое время сиро-халдейцы употребленіе иконъ и поклоненіе имъ считали противными второю заповѣди, чествованіе ангеловъ и святыхъ допускали, но призываніе ихъ на помощь и молитву имъ, какъ ходатаямъ нашимъ предъ Богомъ, признавали излишними, такъ какъ, по ихъ убѣженію, единъ есть ходатай Бога и человѣковъ—Іисусъ Христосъ.

Таинствъ сиро-халдейскіе несторіане признавали и содержали семь и тѣ же самыя, какія признаетъ и православно-вселенская церковь. Крещеніе у нихъ совершалось надъ младенцами, чрезъ троекратное погруженіе, во имя

Отца и Сына и Святаго Духа. При крещеніи бывали и воспріемники. Новокрещенный помазывался св. миромъ съ произнесеніемъ словъ: „печать дара Духа Святаго“.

Мвро приготовлялось не изъ кунжутнаго масла, но изъ елейнаго. Мвровареніе происходило не въ опредѣленные сроки, но по усмотрѣнію, какъ того требовала дѣйствительная нужда. Вообще оно совершалось рѣдко и всегда въ кафедральной патріаршей церкви. Освященіе мвра состояло въ томъ, что въ новосоставленное мвро вливалось нѣсколько стараго, что сопровождалось извѣстнымъ молитвословіемъ.

Покаяніе предшествовало причащенію, но оно было не устное, какъ у насъ, а сердечное, такъ что кающійся не высказывалъ своихъ грѣховъ предъ священникомъ, а исповѣдывалъ ихъ въ тайнѣ души своей предъ Богомъ. Устная исповѣдь у сиро-халдейцевъ прежде существовала, но потомъ была отмѣнена, по слѣдующей причинѣ.

Бывали примѣры, что священники, недовольные за что-либо на прихожанъ, злоупотребляли вѣренными имъ тайнами, но большею частію сами мусульмане, зная, что священникамъ извѣстна вся сокровенная жизнь ихъ прихожанъ, въ случаѣ подозрѣній, падавшихъ на айсоровъ, истязали священниковъ и муками вынуждали ихъ открывать и выдавать тайны, открытыя имъ на исповѣди.

Евхаристія у сиро-халдейскихъ несторіанъ совершалась на квасномъ хлѣбѣ и винѣ, растворенномъ водою. Хлѣбъ всегда приготовлялся самими служащими и болѣе походилъ на просфору армянскую, или яковитскую, чѣмъ нашу, русскую. На лицевой ея сторонѣ, вмѣсто печати, было четыре крестика. Таковыхъ просфоръ употреблялось три: одна для вынутія Агнца, другая въ честь Владычицы Маріи, а третья за живыхъ и умершихъ.

Причащеніе св. таинъ подавалось подъ обоими видами и мірянамъ, которымъ, впрочемъ, тѣло Христово, обогренное кровію, преподавалось съ диска рукою священника, а не

лжицею изъ потира. Къ таинству причащенія допускались только здоровые, по надлежащемъ приготовленіи, и въ храмѣ, а больные и умирающіе не напутствовались св. евхаристією. Поэтому, и св. дары не запасались у сиро-халдеевъ, какъ это дѣлается въ православной церкви.

Вмѣсто напутствованія св. тайнами, у сиро-халдеевъ совершалось надъ больными таинство елеосвященія.

Бракъ у нихъ благословлялся только въ седьмомъ колѣнѣ и допускался второй, третій, четвертый и болѣе. Совершеннолѣтіе опредѣлялось возрастомъ и развитіемъ тѣлеснаго организма брачующихся.

Таинство священства у сиро-халдейскихъ несторіанъ отличалось отъ нашего тѣмъ, что рукополагаемый могъ проходить всѣ степени священства въ одно богослуженіе.

Таинство елеосвященія было въ большомъ употребленіи у сиро-халдеевъ, по вышеуказанной причинѣ; веществомъ его служило то же, что и у насъ, а сущность состояла въ молитвословіи, чтеніи Слова Божія и помазаніи больного освященнымъ елеемъ.

Постовъ сиро-халдейскіе несторіане имѣли болѣе, чѣмъ православная церковь, и содержали ихъ строже, не разрѣшая ни въ одинъ изъ нихъ ни на рыбу, ни на икру¹⁾, а только на масло и то не во всѣ дни. Постъ предъ праздникомъ Рождества Христова начинался съ 1 декабря и продолжался, такимъ образомъ. 24 дня.

Айсоры имѣли слѣдующіе три особенные поста, изъ которыхъ каждый продолжался три дня, а именно: 1) въ честь и память св. Іоанна Златоустаго; онъ бывалъ въ понедѣльникъ, вторникъ и среду между праздниками Рождества

¹⁾ По наблюденію архим. Софонія, это зависѣло не отъ какого-либо особеннаго аскетическаго настроенія несторіанъ, а отъ того, что 1) рыбы и икры у нихъ, особенно у несторіанъ турецкихъ, совсѣмъ не было, и 2) въ продолженіе цѣлаго года они имѣли у себя столько зелени и овощей, что рѣшительно могли обходиться безъ икры и рыбы.

Христова и Богоявленія; 2) въ память священномученика Харалампія, въ тѣ же дни на недѣлѣ, послѣ праздника Богоявленія; и 3) въ память пророка Іоны, въ тѣ же дни, на недѣлѣ мытаря и фарисея.

Въ среду и пяткъ сиро-халдеи постились круглый годъ и никогда не разрѣшали поста въ эти дни, кромѣ пасхальной недѣли.

Но они не содержали поста въ день Воздвиженія Животворящаго Креста и въ день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи. Кромѣ того, такъ какъ они вообще считали день не съ полуночи до полуночи, а съ вечера до вечера, то и постъ по средамъ и пяткамъ начинали съ вечера вторника и четвертка и оканчивали вечеромъ же въ среду и пяткъ.

Праздники господскіе у сиро-халдейскихъ несторіанъ были тѣ же самые, что и въ православной церкви, и падали они у нихъ на одни и тѣ же дни и числа. Но изъ богородичныхъ праздновались только рождество Владычицы Маріи и Успеніе; праздника введенія во храмъ Богоматери не было, а праздникъ Благовѣщенія былъ, но назывался различно: „Ангель сошелъ въ Назаретъ“, или „радуйся, Благодатная“ и праздновался не торжественно и не строго, такъ что почти не выдѣлялся изъ ряда работныхъ дней.

Святые, чествуемые сиро-халдейскими несторіанами, не назывались собственно святыми (каддиша) и не различались между собою ни по образу подвижничества, ни по образу кончины. Такимъ образомъ въ святцахъ айсорскихъ не было ни мучениковъ, ни преподобныхъ, ни постниковъ, ни святителей, но ко всѣмъ прилагалось одно и то же обращеніе: „Маръ“ (Маръ Соришу, Маръ Рамзай). Апостолы именовались Шлиха, пророки Нвіа, Божія Матерь—Марта Маріамъ (Владычица Марія), только къ святымъ духовнымъ писателямъ, извѣстнымъ сиро-халдейской общинѣ или поученіями, или составленіемъ молитвъ, пѣснопѣній и литургій, прибавля-

лось къ инымъ слово: Малпана (учитель), а къ инымъ Тешкана (проповѣдникъ).

Богослуженіе, совершавшееся у сиро-халдейскихъ несторіанъ, раздѣлялось на постоянное и повременное.

Къ первому относились службы суточные, или всedневныя, недѣльныя, усвоившіяся каждому дню недѣли, и годовыя.

Суточное богослуженіе состояло изъ вечерни, утрени и литургіи. Повечерій и полунощницъ у нихъ не было. Часы были и состояли въ чтеніи псалмовъ, молитвъ и тропарей, какъ и у насъ; они пѣлись не отдѣльно, а вмѣстѣ съ другими службами, какъ и у насъ, именно: первый часъ—послѣ утрени, третій и шестой часы—предъ литургіею, девятый—предъ вечернею.

Такимъ образомъ, сиро-халдейцы собирались въ храмъ на богослуженіе три раза въ сутки: вечеръ, утро и полудне, а отдѣльныхъ славословій или службъ они совершали семь, подражая Давиду, *седмерицею днемъ возсылавшему хвалу Богу*.

Въ составъ службъ вечернихъ и утреннихъ входили псалмы, молитвы, пѣснопѣнія и ектеніи. У нихъ употреблялись молитвы и пѣснопѣнія, принадлежавшія слѣдующимъ ихъ церковнымъ учителямъ и проповѣдникамъ: Маръ-Ефрему Малпанъ, Маръ-Нерсею Малпанъ и Маръ-Теодорусу Тешканъ.

Объ ектеніяхъ неизвѣстно, кѣмъ онѣ составлены; но должно думать, что тѣми же лицами и еще Маръ-Діодорусомъ и Маръ-Несторіусомъ, какъ составителями литургій. Несторіанскія ектеніи (каразуйта—чтеніе въ слухъ), по внѣшнему своему составу, очень похожи на наши. Онѣ состояли не изъ цѣльныхъ моленій, но изъ отдѣльныхъ прошеній, возносившихся священникомъ, или діакономъ и оканчивавшихся призываніемъ: „*помолимся*“, при чемъ на каждое прошеніе поющіе или народъ отвѣчали: „*Господи помилуй*“. Что же касается внутренняго содержанія, то съ

этой стороны несторіанскія ектеніи немало замѣчательны. Въ сообразность самыхъ службъ, на которыхъ онѣ читались, ектеніи эти, по содержанію своему, раздѣлялись на всендневныя, седмичныя, годовыя и повременныя.

Ко всендневнымъ ектеніямъ принадлежали тѣ, которыя читались на литургіяхъ; содержаніе ихъ нѣсколько сходно съ содержаніемъ нашихъ ектеній—великой, сугубой и просительной.

Седмичныя ектеніи читались каждый день недѣли на утрени; ихъ—семь, по числу дней недѣли, и онѣ каждую седмицу повторяются. Ектеніи годовыя, или праздничныя, читались по одному разу въ годъ. Содержаніемъ ихъ служила сущность каждаго праздника, т. е. въ нихъ высказывалось діакономъ среди церкви почти все то, что у насъ поется на клиросѣ въ праздничныхъ стихирахъ и канонахъ. Къ годовымъ ектеніямъ относились ектеніи великопостныя. Ихъ нѣсколько: однѣ изъ нихъ возглашались по воскреснымъ днямъ, другія—въ простые дни, и при томъ однѣ на утрени, а другія на вечернѣ въ продолженіе всего поста, за исключеніемъ послѣдней недѣли, въ которую на каждый день положены особыя ектеніи, выражающія сущность воспоминаемыхъ событій ¹⁾).

¹⁾ Вотъ переводъ ектеніи (чтенія въ слухъ), употреблявшейся сиро-халдейскими несторіанами въ великій пятокъ:

1) Станемъ добръ, станемъ со умиленіемъ и нецѣлостно будемъ молиться и взывать: Господи, помилуй насъ.

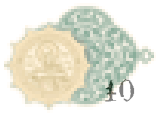
Народъ: Господи помилуй насъ.

2) Живой сошелъ къ мертвымъ и проповѣдывалъ на упованіи блаженство душамъ, содержащимся во адѣ: помолимся.

3) Язвою ребра Своего Онъ исцѣлялъ наши язвы (грѣховныя) и смертію Своею умертвилъ умерщвляющаго насъ: помолимся.

4) Когда Онъ распятъ былъ, небо омрачилось и вся тварь облеклась въ плачь и сѣтованіе: помолимся.

5) Когда Онъ распятъ былъ, силы небесныя (духи) ужаснулись и одно только неизволеніе (собственно: знакъ, киваніе, выражающее нехотѣніе) Отца Его удержало ихъ отъ погребенія распинавшихъ: помолимся.

Всѣ ектеніи имѣли одно и то же начало: „станемъ добръ, станемъ со умиленіемъ“ и т. д., и затѣмъ нѣсколько прошеній общихъ, которыя неизмѣнно возносились въ концѣ всякой ектеніи, именно: о патріархѣ, епархіальномъ епископѣ и всѣхъ епархіотахъ, о царѣ (имени нѣтъ), о держащихъ властяхъ и о всѣмъ мірѣ; первое прошеніе всѣхъ ектеній въ праздники измѣнялось въ томъ отношеніи, что вмѣсто слова: „со умиленіемъ“ читалось: „въ радости“.

Литургіи у сиро-халдейскихъ несторіанъ было въ употребленіи три. Одна совершалась ежедневно и называлась диилихи—апостольскою. Сиро-халдейцы вѣровали, что литургія эта составлена Апостолами, когда они были всѣ вмѣстѣ въ Іерусалимѣ, и тамъ начала совершаться ими до исшествія ихъ на всемірную проповѣдь. Другая литургія—Григорія Двоеслова; она была составлена, по мнѣнію сиро-халдейцевъ, Маръ-Теодорусомъ (т. е. Теодоромъ Мопсуетскимъ) и Маръ-Діодорусомъ (т. е. Діодоромъ Тарсійскимъ). Третья литургія была составлена Маръ-Несторіусомъ и пѣлась 4 раза въ годъ: въ день Богоявленія, въ одинъ изъ дней поста послѣ Богоявленія, въ одинъ изъ дней поста пророка Іоны и въ великій четвертокъ.

6) Смертію Своею отверзъ Онъ гробы и воскресилъ мертвыхъ предъ очами Своихъ враговъ и распинателей: помолимся.

7) Онъ окропилъ нашу кровь Своею кровію и очистилъ грѣхи наши, при-
несши Свое тѣло на вершинѣ Голгоѣ: помолимся.

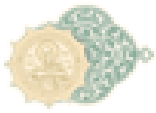
8) О здравіи св. отцовъ нашихъ маръ (имя рекъ) вселенскаго патріарха.
маръ (имя) епископа (или митрополита) нашего и о спасеніи всѣхъ чадъ паствы
ихъ: помолимся.

9) О царѣ, держащихъ властяхъ и всемъ мірѣ: помолимся.

10) Боже милосердный, по милосердію Своему Ты призираешь на всѣхъ:
призри и на насъ: помолимся.

11) Свѣтлые ангелы на небѣ омрачились скорбію и земля возстонала въ
смерти Его; но и возрадовались всѣ въ воскресеніи Его: помолимся.

12) Пастырю, предавшій душу Свою за овцы Своя и спасшій ихъ Своею
кровію. спаси и насъ здѣсь сухихъ отъ лукаваго и помилуй насъ, Господи
помолимся.

Недѣльныхъ службъ, по словамъ урмійскаго священника Михаила, у сиро-халдейскихъ несторіанъ не было; но, по мнѣнію архим. Софоніи, онѣ должны были существовать, судя по недѣльнымъ ектеніямъ, только неизвѣстно, въ чемъ эти недѣльныя службы состояли.

Годовыя службы совершались во дни праздниковъ господскихъ, богородичныхъ и святыхъ (напр., Апостоловъ Петра и Павла) и отличались отъ службъ обыкновенныхъ, кромѣ ектеній, нѣкоторыми чтеніями изъ книгъ пророческихъ и пѣснопѣніями, относившимися къ воспоминаемому событію. или къ памяти святыхъ, на подобіе нашихъ тропарей и величаній. То же самое должно сказать и о службахъ великопостныхъ, особенно въ великіе дни послѣдней седмицы, когда воспоминаются страданіе, смерть и погребеніе Спасителя.

Къ службамъ повременнымъ принадлежали, кромѣ совершенія таинствъ, разныя чинопостѣдованія, напр., чинъ водосвященія, погребенія, освященія храма, поставленія патріарха и др. Отличительную особенность всѣхъ ихъ составляло то, что, при совершеніи ихъ, употреблялись особенныя ектеніи, особенныя молитвословія и пѣснопѣнія.

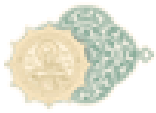
Храмы у сиро-халдейскихъ несторіанъ были большею частію каменные (встрѣчались иногда земляные, но деревянныхъ не было), всегда обращенные на востокъ и раздѣлялись главнымъ образомъ на двѣ части: собственно храмъ и алтарь. Алтарь отдѣляется отъ храма не иконостасомъ, но преградою, въ которой три входа: двѣ боковыя двери и врата по срединѣ. Престолъ помѣщается обыкновенно противъ среднихъ вратъ, но не на срединѣ алтаря, а у восточной стѣны его, на которой поверхъ престола находится распятіе. Жертвенника въ несторіанскихъ храмахъ нѣтъ, ибо вся литургія совершается на престолѣ; но есть по одну сторону алтаря умывальница, а по другую тандуль (круглое углубленіе четверти на три въ землю) для печенія просфоръ. Престолъ состоитъ изъ четырехугольной каменной дос-

ки на каменной же тумбѣ и покрывается одеждою. Антиминсовъ съ илитономъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ служатъ четыре небольшихъ креста, дѣлаемыхъ выпукло и квадратомъ по срединѣ престольной доски и ближе къ тому краю, гдѣ стоитъ священнодѣйствующій. Эти кресты обозначаются и на одеждѣ на престольной особенною вышивкою; самая же одежда не отличается отъ нашей.

Утварь церковную сиро-халдейскаго несторіанскаго храма составляютъ: потиръ, дискосъ и лжица, крестъ, евангеліе, кадило и подсвѣщники. Потиръ и дискосъ металлическіе и большею частію оловянные, хотя встрѣчаются и серебряные, тотъ и другой съ крестами, но безъ всякихъ изображеній, рукоятій и пьедесталовъ, такъ что первый похожъ на большой стаканъ, а второй—на небольшую тарелку. При совершеніи литургіи. они ставились въ квадратѣ между крестами (что на престолѣ) рядомъ и покрывались воздухами, сначала тотъ и другой особыми, а потомъ оба однимъ.

Ни звѣздицы, ни копія у сиро-халдейцевъ не употребляется, но лжица имѣется и иногда похожа на нашу, а большею частію имѣетъ видъ простой ложечки. На престольный крестъ большею частію съ распятіемъ и употребляется какъ металлическій, такъ и деревянный. Евангеліе употребляется большею частію безъ оправы и небольшого формата, евангельскія чтенія въ церковныхъ евангеліяхъ располагались не по евангелистамъ, а по днямъ года.

Облаченіе архіерейское состояло изъ бѣлаго подризника (большею частію льнянаго), епитрахили, пояса, омофора и фелони; поручей, палицы, митры и панагіи не употреблялось. Одинъ только патріархъ носилъ крестъ неперсный и въ служеніи и внѣ службы, но не на цѣпочкѣ, какъ у насъ, а на шелковомъ шнурѣ, или ленточкѣ. Омофоръ употребляется обыкновенно съ крестами, длиною около двухъ аршинъ съ половиною, но уже нашего и носится не такъ, какъ у насъ. На срединѣ, по длинѣ его, дѣлается прорѣзъ, или вы-

рѣзь овальный, на подобіе нашихъ епитрахилей, и черезъ этотъ прорѣзь омофоръ надѣвается на голову. поверхъ епитрахили и пояса, и, такимъ образомъ, производитъ видъ двухъ епитрахилей, имѣющихъ одну іордань, и висящихъ одна спереди, а другая позади. Фелонь представляетъ болѣе длинный, чѣмъ широкій кусокъ матеріи шелковой, или парчевой съ крестомъ по срединѣ. Этотъ четырехугольникъ накладывается, какъ широкій шарфъ, и лежитъ большею частію на плечахъ священнодѣйствующаго, иногда же приподнимается и поверхъ головы, покрывая ее, какъ іаковитское увысло. Посему несторіанская фелонь не прикрѣпляется на груди ни застѣлками, ни завязками. Подризникъ, епитрахиль и поясъ не отличались отъ нашихъ.

Это архіерейское облаченіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и священническимъ, съ тѣмъ только различіемъ, что омофоръ священническій гораздо короче епископскаго и видѣнъ только спереди, а сзади изъ подъ фелони его совѣтъ было не видно. Набедренниковъ священники не имѣютъ. Діаконское облаченіе составляютъ стихарь и орарь, похожіе во всемъ на наши.

Что касается церковнаго управленія, то оно у сиро-халдейскихъ несторіанъ было не многосложно и едва ли имѣло особое систематическое устройство, примѣнительное къ особенному положенію ихъ церковной общины.

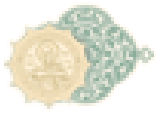
Главнѣйшіе предметы церковнаго управленія названы нами выше. Кругъ ихъ былъ сравнительно очень ограниченъ. Иныхъ предметовъ управленія вовсе не было, какъ, напр. училищъ, типографій и всего, что было соединено съ ними; другіе были раздроблены по частямъ, какъ, напр. наблюденіе за цѣлостію каѳедръ и непрерывностію наличныхъ епархiovъ. Во всякой епархіи за каѳедрою наблюдали родственники абуны, чтобы она не переходила въ чужой родъ, а преемника себѣ избиралъ самъ абуна. Патріарху оставалось послать только избранному кандидату титулъ армянана и по-

томъ рукоположить его. Остальныя затѣмъ части духовнаго управленія сиро-халдейскою церковною общиною сосредоточивались въ рукахъ Маръ-Шимона, какъ верховнаго кіріарха ея.

Маръ-Шимонъ для управленія подчиненною ему общиною не имѣлъ при себѣ ни коллегій, на подобіе синодовъ и консисторій, ни лицъ официальныхъ, каковы суть прото-синкелы, и грамматикосы (на Востокѣ), или благочинные и секретари (у насъ). При обычномъ теченіи дѣлъ, онъ управлялъ единолично, а келейными совѣтниками и помощниками его были ближайшіе родственники его, діаконы и священники, при немъ служившіе. Ихъ онъ употреблялъ и въ качествѣ секретарей, когда нужно было написать что либо, и въ качествѣ курьеровъ, когда требовалось отвезти къ какому нибудь абунѣ указъ, или предписаніе и т. п., что все у нихъ было извѣстно подъ однимъ названіемъ: „кѣтава“. Эти „кѣтава“ не имѣли никакихъ признаковъ формальности; на нихъ не было ни номеровъ нашихъ, ни скрѣпъ, ни подписей, ихъ не записывали ни въ какія книги: словомъ, при патріархѣ несторіанскомъ, такъ же, какъ и при всякомъ абунѣ, не было ничего, отзывающагося нашею канцелярщиною и бюрократіей

Но если бы произошли событія особенной важности, то патріархъ могъ приглашать къ себѣ матрана Маръ-Хнанишу, какъ ближайшаго своего сотрудника по управленію всею общиною, могъ также вызывать, по своему усмотрѣнію, и другихъ абунъ и составлять изъ нихъ какъ бы временный соборъ; но все это, вслѣдствіе стѣсненнаго положенія сиро-халдеевъ, едва ли когда бывало, по крайней мѣрѣ, во времена, ближайшія къ намъ. Замѣчательно, что даже и такое первостепенной важности событіе, какъ окончательное рѣшеніе вопроса о присоединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви, совершилось безъ

предварительнаго обсужденія его на соборѣ несторіанскихъ абунъ епископовъ¹⁾).

Епархіальное управленіе у сиро-халдейцевъ было еще проще. Всякій несторіанскій епископъ былъ не болѣе (если только не менѣе), какъ нашъ благочинный; благодаря малой величинѣ епархіи, онъ зналъ всѣхъ своихъ священниковъ и діаконовъ и по имени и по образу жизни. Особенно это должно разумѣть о тѣхъ абунахъ, епархіи которыхъ ограничивались однимъ селеніемъ. Въ случаѣ какой либо жалобы на священника, абуна тотчасъ же призывалъ его къ себѣ, дѣлалъ дознаніе и тутъ же окончательно рѣшалъ всякое дѣло на словахъ. Какъ не было наградъ для поощренія къ трудолюбію и соревнованію, такъ не было и наказаній состоящихъ въ запрещеніи, низведеніи священника на причетническую должность и лишеніи сана.

Вся должностная дѣятельность абунъ вращалась около двухъ предметовъ: рукоположенія и совершенія, или, правильнѣе, разрѣшенія на совершеніе браковъ.

Дѣлъ ставленическихъ, какъ у насъ, не было. Всякій, ищущій священства, или діаконовства, лично являлся къ своему абунѣ и словесно просилъ его о поставленіи. Абуна приказывалъ ему идти въ церковь, гдѣ онъ долженъ былъ читать вечерню и утреню и, если онъ оказывался умѣющимъ дѣлать это, то на слѣдующей же литургіи рукополагался въ иподіакона, діакона и священника. Грамоты ставленныя въ иныхъ епархіяхъ давались, а въ другихъ нѣтъ.

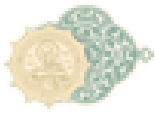
Браки въ шестомъ колѣнѣ, или неясные, по запутанности родства, представлялись абунѣ приходскимъ священникомъ, или же родственниками брачующихся. Абуна, по выслушаніи и разсмотрѣніи всѣхъ связей и отношеній родства, или благословлялъ бракъ тутъ же, или отказывалъ. Разводы среди сиро-халдейцевъ бывали очень рѣдко. Абуна обыкно-

¹⁾ См. Церк. Вѣстн. 1898 г. № 15 стр. 531.

венно уговаривалъ и мирилъ поссорившихся между собою супруговъ, въ случаѣ же невозможности примиренія, представлялъ при своей запискѣ, или отсылалъ съ своимъ діакономъ разводящихся къ Маръ-Шимону, который и рѣшалъ это дѣло окончательно.

Что лежало въ основаніи подобнаго церковнаго управленія, существовавшаго у сиро-халдейскихъ несторіанъ, трудно было сказать, по мнѣнію архим. Софоніи, немало потрудившагося надъ рѣшеніемъ сего вопроса. Изъ словъ абуны Маръ-Денхи, въ бесѣдѣ его съ архим. Софоніею сказанныхъ, послѣдній заключалъ, что сиро-халдейскіе несторіане, повидному, не отрицали „Постановленій Апостольскихъ“ и опредѣленій соборныхъ; но сколько соборовъ и какіе именно они принимали, была ли у нихъ какая либо кормчая, какъ у насъ, или номоканонъ, или что-либо въ этомъ родѣ, онъ не зналъ и говорилъ только, что у нихъ всякій Маръ-Шимонъ и всякій абуна управлялъ и дѣйствовалъ такъ, какъ и предмѣстники ихъ; слѣдов., руководился преданіемъ и практикою.

Это и понятно. Извѣстно, что въ 496 г. на несторіанскомъ соборѣ, бывшемъ въ Едессѣ при несторіанскомъ патріархѣ Бабеѣ, несторіане, установивши богѣе или менѣе полное устройство своей общины, получили и извѣстное уложеніе для управленія дѣлами церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ уложеніемъ они руководились до несчастія великаго, постигшаго ихъ при Тамерланѣ. Съ этого времени, лишившись гражданской свободы, они, конечно, не могли удержать за собою и свободы въ управленіи церковномъ. Воля поработителей сдѣлалась во многихъ случаяхъ закономъ и вопреки церковнымъ установленіямъ и обыкновеніямъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ продолженія рабства, непрерывно убивавшаго духъ и изнурявшаго силы несторіанской общины, она мало-по-малу стала забывать свои каноническія правила и сообразоваться съ духомъ и обстоятельствами времени, а потомъ и опираться на предшествующіе примѣры, какъ на норму

управленія, такъ что во времена позднѣйшія закономъ въ управленіи паствою для Маръ-Шимона и абунъ стало служить не уложеніе церковное, а управленіе ближайшихъ предметниковъ ихъ.

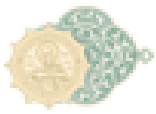
Несторіанская община, съ самаго начала отпаденія своего отъ православно-вселенской церкви, всегда отличалась присутствіемъ въ ней богословской учености. Этой послѣдней она была обязана главнымъ образомъ твердостью своего положенія среди разныхъ и многихъ переворотовъ политическихъ, потрясавшихъ Востокъ. Аравійскіе завоеватели не могли уничтожить несторіанство, а багдадскіе калифы относились къ несторіанамъ даже съ большимъ довѣріемъ именно за ихъ образованность. Учености багдадскихъ несторіанъ и вселенская церковь обязана сохраненіемъ многихъ памятниковъ греческой письменности. Даже по завоеваніи Багдада татарами, сиро-халдейскіе несторіане, благодаря главнымъ образомъ своей учености, сохраняли нѣкоторое время свое положеніе, пока, наконецъ, Тамерланъ не нанесъ рѣшительнаго удара несторіанству. Этотъ ударъ положилъ конецъ. можно сказать, навсегда и самой образованности несторіанской. Несчастный народецъ, спасшійся отъ истребленія въ небольшомъ остаткѣ, жившемъ въ горахъ Курдскихъ, возникъ послѣ того подъ прежнимъ названіемъ, но образованность, а тѣмъ болѣе прежняя богословская ученость уже не возродились въ немъ.

Пго порабощенія, подъ которое подпали сиро-халдеи, поселившіеся въ Персіи и Турціи, рѣшительно заглушало и подавляло въ нихъ всякое стремленіе къ любознательности. такъ какъ съ того времени всѣ ученыя занятія ихъ замѣнились одною думою и одною заботою о сохраненіи своей жизни. Съ того времени сиро-халдейскій народъ сталъ и стоитъ почти неподвижно, на одной и той же ступени умственнаго развитія; съ того времени въ немъ не было и, кажется, доселѣ нѣтъ ни при патріархѣ, ни при митрополи-

тахъ и епископахъ, ни въ городахъ и селахъ ни одной школы духовной, или гражданской въ духъ народномъ, ни одного училища духовнаго, съ удержаніемъ началъ своего вѣроисповѣданія. Дай Богъ, чтобы теперь, съ присоединеніемъ сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви, подъ покровомъ и при содѣйствіи этой послѣдней, явились школы и возродилась образованность среди сиро-халдеевъ православныхъ! Обязанность возрожденія образованности среди сиро-халдеевъ въ духъ православной вѣры лежитъ прежде всего на тѣхъ представителяхъ сиро-халдейской общины, которые съ такою энергіею и самоотверженіемъ трудились для святаго дѣла присоединенія своего народа къ православной церкви. И мы думаемъ, что это такъ будетъ...

Въ 1860-хъ годахъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, все, что только можно было назвать образованіемъ, заключалось въ одной простой грамотности, т. е. умѣни читать и писать на современномъ родномъ языкѣ и въ пониманіи древняго, доселѣ сохраняющагося въ богослуженіи, языка. Но и это образованіе, сколько ни скудно оно было, не распространялось на все сиро-халдейское народонаселеніе, а ограничивалось почти однимъ только духовенствомъ и переходило отъ отца къ сыну посредствомъ домашняго обученія. Книгопечатанія у айсоровъ не было и церковно-богослужебныя книги, заключающія въ себѣ почти всю ихъ мудрость и все просвѣщеніе, сохранялись черезъ переписку съ большими трудностями.

Правда, въ концѣ сороковыхъ годовъ XIX в. между айсорами урмійскими появилось было просвѣщеніе, но не родное, не изъ нѣдръ народа возникшее, по общему чувству потребности образованія, а чуждое, занесенное съ запада и несродное почвѣ восточной. Поэтому, оно не привилось на сиро-халдейской почвѣ и не принесло существенной пользы айсорскому народу. Большая часть его скоро примѣтила раскинутыя сѣти и, не прельстившись ни бесплатностію школь-

наго образованія, ни значительностію другихъ благотвореній, которыми хотѣли завлечь айсорскихъ дѣтей въ школы, отвергла и просвѣтителѣй (т. е. протестантскихъ миссіонеровъ) и самое просвѣщеніе. Съ заведеніемъ школъ въ Урміи, тѣми же миссіонерами была открыта въ самомъ городѣ и типографія для печатанія книгъ на всѣхъ языкахъ, извѣстныхъ восточнымъ христіанамъ. Изъ этой типографіи выпущено было множество книгъ всякаго рода, начиная съ букваря до новѣйшей философіи, но не напечатано ни одной богослужбной книги, ни одного церковнаго поученія, тѣмъ болѣе ни одного творенія отцовъ сирійскихъ. Сиро-халдейская несторіанская община не рѣшилась, очевидно, вѣрить единственное свое сокровище въ руки обтекающихъ вселенную пришельцевъ и, хотя, по причинѣ возрастающаго оскудѣнія и умаленія рукописныхъ экземпляровъ, не отвергла употребленія напечатанныхъ библій и евангелій на старо- и ново-сирійскомъ языкѣ, однако же пользовалась ими съ большою осторожностію, такъ что благонамѣреннѣйшіе изъ айсоровъ предпочитали огромный трудъ переписыванія имѣвшихся у нихъ манускриптовъ даровому приобрѣтенію книгъ печатныхъ.

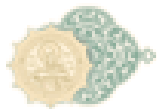
Слѣдствія подобной необразованности сиро-халдеевъ отражались на всемъ ихъ бытѣ и въ особенности на состояніи церковной дисциплины и природнаго языка ихъ.

Дисциплина въ несторіанской сиро-халдейской церковной общинѣ, по наблюденіямъ и отзыву архим. Софоніи, почти не существовала. Патріархъ, слѣдуя установившемуся обычаю, рукополагалъ представляемыхъ ему кандидатовъ во епископа, нисколько не вникая, способны ли они были къ надлежащему прохожденію того служенія, которому посвящали себя. И впослѣдствіи, по рукоположеніи епископовъ, патріархъ не старался наблюдать за тѣмъ, какъ они пасли вѣренное имъ стадо Христово. Абуны, въ свою очередь, поставляя священниковъ и діаконівъ, также не считали необходимымъ ни наставлять ихъ въ истинахъ вѣры, ни разъ-

яснять имъ лежація на нихъ обязанности, ни слѣдить за исполненіемъ ими этихъ постѣднихъ. Отсюда происходило то, что священники и діаконы большею частію исполняли свои пастырскія обязанности небрежно и совершали даже самую литургію безъ должнаго приготовленія и страха Божія, вообще читали и пѣли въ храмѣ спѣшно и невнятно, пѣли иногда просто безобразно, заимствуя всѣ тоны пѣнія и переливы ихъ отъ турокъ, а—что еще хуже—обыкновенно позволяли себѣ во время служенія говоръ и смѣхъ, стояніе нечинное и моленіе разсѣянное. Немало было безпорядковъ и своеволія и въ другихъ отношеніяхъ, напр., при раздѣлѣ доходовъ. Священники почти все, что попадало имъ въ руки, считали своею неотъемлемою собственностію. Вообще упадокъ дисциплины и своеволіе среди низшаго сиро-халдейскаго духовенства были таковы, что, напр., діаконы безъ позволенія своего священника и священники безъ позволенія и благословенія своего абуны нерѣдко оставляли свою церковь и паству, отлучались, куда и насколько хотѣли, и проживали иногда съ фальшивыми видами отъ мусульманскаго начальства въ разныхъ мѣстахъ то въ видѣ черно-рабочихъ, то подъ образомъ сборщиковъ пожертвованій на постройку монастырей (которыхъ не существовало) и церквей. Само собою разумѣется, что подобное отсутствіе церковной дисциплины у сиро-халдейскаго духовенства производило крайне неблагоприятное вліяніе и на паству.

Сиро-халдейскій языкъ, не смотря на то, что существовалъ непрерывно въ живомъ употребленіи, почти не получилъ никакого развитія. Неопредѣленность формъ языка, обороты рѣчи безъ частицъ, показывающихъ взаимное отношеніе словъ и выражаемыхъ ими понятій, неизмѣняемость выраженій, употребляемыхъ съ глубокой древности,—все это, по мнѣнію архим. Софоніи, показывало видимый застой и даже отсутствіе всякой жизни въ языкѣ сиро-халдейскомъ. Всякое письмо, напр., сиро-халдейскаго духовнаго лица не-

премѣнно начинается словами: *милость и миръ изъ устъ* такого-то къ такому-то, и почти всякое оканчивалось слѣдующими словами: *для пудраго и малаго довольно*.

Самая письменность сиро-халдейская какъ бы низошла на ту ступень, на которой она стояла въ началѣ, когда только формировалась и устанавливалась. Въ несторіанскихъ книгахъ позднѣйшаго выхода не было ни заглавій, ни заглавныхъ буквъ, ни знаковъ препинанія, ни раздѣленія статей. Бравшій въ руки такую книгу долго не могъ узнать, что это за книга, а потомъ, когда начиналъ читать ее, крайне затруднился въ отысканіи смысла рѣчи то по отсутствію строчныхъ знаковъ, то по нераздѣльности статей. Сиро-халдейская книга, какъ бы ни была велика, всегда состояла, отъ начала до конца, изъ одного отдѣленія. Только протестантскіе миссіонеры, начавъ печатать въ своей типографіи книги для сиро-халдеевъ, ввели заглавія и надписи, красную строку, показывавшую начало отдѣленія, и знаки препинанія, которыхъ, какъ сказано, почти совсѣмъ не было у сиро-халдеевъ, довольствовавшихся однимъ только двоеточіемъ.

Средства, какими содержалось сиро-халдейское духовенство, были почти тѣ же самыя, какими содержалось православное греческое духовенство, напр., въ Константинопольскомъ патріархатѣ.

Ближайшимъ образомъ, служившіе алтарю отъ алтаря и питались. Священники, діаконы и низшіе члены сиро-халдейскаго несторіанскаго клира пользовались кружечными доходами, получая отъ своихъ прихожанъ, какъ и у насъ, плату за исправленіе различныхъ требъ. Кромѣ кружечныхъ доходовъ, всѣ они владѣли пахотною землею и занимались воздѣлываніемъ садовъ и огородовъ, съ тѣмъ, впрочемъ, различіемъ отъ нашего духовенства, что у сиро-халдейцевъ духовныя лица сами никогда не занимались обработкою земли, а отдавали ее въ наемъ. Съ другой стороны, т. наз.

церковныхъ земель не было у сиро-халдейскаго духовенства, которое наравнѣ со всѣми мірянами платило мѣстному правительству какъ поземельный сборъ, такъ и налогъ за все, чѣмъ владѣло и чѣмъ пользовалось.

Кромѣ сейчасъ указанныхъ средствъ содержанія, общихъ всему клиру, были и особенныя; такъ напр., нѣкоторые священники сиро-халдейскіе занимались овцеводствомъ, а діаконы и причетники разными мастерствами и чаще всего плотничествомъ. Абуны сиро-халдейскіе не пользовались никакими доходами, ни кружечными, предоставляя ихъ сполна причтамъ, ни церковными, употребляя ихъ на поддержку храмовъ; не пользовались они также и емватикіономъ, т. е. сборомъ денежнымъ съ священниковъ и діаконвъ за выдававшіеся или ежегодно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ грамоты на право служенія впродолженіе года въ извѣстной церкви, какъ это дѣлалось въ константинопольскомъ патріархатѣ, потому что въ сиро-халдейской несторіанской общинѣ и при самомъ рукоположеніи священниковъ и діаконвъ не во всѣхъ епархіяхъ выдавались рукополагаемымъ виды на поставленіе, тѣмъ болѣе они нигдѣ не возобновлялись.

Но абуны сиро-халдейскіе пользовались т. н. решитою, т. е. сборомъ со всей епархіи денегъ и всякаго рода провизіи натурою. Деньги собирались въ два срока, отъ 20 до 50 к. въ годъ съ души работающей; натурою же—хлѣбъ, рисъ, масло постное и скоромное, вино, плоды, шелкъ, хлопкъ,—словомъ паства сиро-халдейская дѣлилась съ своими архипастырями всѣмъ, что имѣла сама. Кромѣ того, абуны имѣли въ своемъ распоряженіи огороды, сады и виноградники, отдѣлявшіеся для нихъ состоятельными мірянами. Впрочемъ, все это было условно и неопредѣленно. Какъ плата, дававшаяся причтамъ за требоисправленіе, такъ и решита, собиравшаяся абунами, даже въ одной и той же епархіи были весьма неодинаковы въ каждомъ году, потому что то и другое многое зависѣло отъ возможности и усердія давав-

шихъ, а тѣмъ болѣе онѣ были различны въ разныхъ епархiяхъ.

Что касается сиро-халдейскаго патріарха, то источниками содержанiя его самого, а также и церковей, свиты и служителей при немъ находившихся, служили: 1) обыкновенная *решита*, собиравшаяся патріархами деньгами и натурою съ своей епархiи; 2) добровольный сборъ, подобный тому, какой былъ извѣстенъ въ константинопольскомъ патріархатѣ подъ именемъ филотимо и какимъ подчиненные епископы благодарили патріарха за рукоположеніе ихъ, и 3) по мнѣнію нѣкоторыхъ, сиро-халдейскій патріархъ получалъ ежегодное жалованье отъ турецкаго правительства, которое прекратило будто бы уплату сего жалованья съ открытіемъ крымской войны съ Россіею. Только въ мартѣ 1862 года распространился слухъ, дошедшій и до архим. Софоніи, будто тогочасовременный турецкій султанъ прислалъ Маръ-Шимону пешкешъ, состоявшій изъ 300 тумановъ (туманъ=около 10 рублей) деньгами и нѣкоторыхъ вещей. Говорили, что этотъ пешкешъ былъ именно жалованьемъ, которое султанъ возобновилъ Маръ-Шимону по тому поводу, что и самъ сиро-халдейскій патріархъ около этого времени возобновилъ подать съ своего народа, жившаго въ турецкихъ предѣлахъ. Впрочемъ, архим. Софонія не имѣлъ возможности провѣрить этихъ слуховъ.

Что касается, наконецъ, сиро-халдейскихъ храмовъ, то они содержались всецѣло прихожанами или посредствомъ добровольныхъ денежныхъ пожертвованій, или же посредствомъ земельныхъ надѣловъ, отводившихся въ пользу и на нужды церковей.

Таковы были свѣдѣнія, собранныя, по порученію русскаго—церковнаго и гражданскаго—правительства, архим. Софоніею о сиро-халдейскихъ несторіанахъ, заявившихъ чрезъ своего представителя начальнику нашей второй духовной миссіи о своемъ желаніи принять православіе въ Іерусалимѣ.

Цѣль, какая имѣлась въ виду при собираніи этихъ свѣдѣній, была, какъ мы знаемъ, двоякая: въ 1) узнать доподлинно современное состояніе сиро-халдейской несторіанской общины со стороны ея вѣроученія, богослуженія и устройства, и во 2) провѣрить степень и искренность расположенія несторіанъ къ принятію православія. То и другое было необходимо знать нашему правительству для рѣшенія вопроса о томъ, можно ли, дѣйствительно, принять сиро-халдейцевъ въ общеніе съ русскою православною церковью и если можно, то какъ именно это сдѣлать.

Свѣдѣнія, собранныя архим. Софоніею, повидимому, должны были склонять наше правительство въ пользу положительнаго рѣшенія сейчасъ поставленнаго вопроса.

Догматическихъ и обрядословныхъ разностей между православною церковью и сиро-халдейскою несторіанскою общиною было, по мнѣнію архим. Софоніи, очень немного и всѣ онѣ были не существенно важны¹⁾. Впрочемъ, архим. Софонія допускалъ предположеніе, что разностей этихъ въ дѣйствительности могло быть больше, чѣмъ сколько онъ успѣлъ установить; но все говорило за то, что и эти разности не должны быть важнѣе тѣхъ, какія сдѣлались ему извѣстными. „При тѣхъ средствахъ, кои были мнѣ предоставлены“,—говоритъ объ этомъ самъ архим. Софонія,—„я не могъ узнать больше. Даже и то, что узналъ и передалъ, не все одинаково достовѣрно: иное требовало бы повѣрки на мѣстѣ, или лучшихъ свидѣтелей. Вообще разности догматическія и обрядословныя таковы, что происходятъ или отъ причинъ случайныхъ, или отъ недоразумѣній. Слѣдовательно, съ устраненіемъ случайностей и при надлежащемъ разъясненіи суще-

¹⁾ М. Филаретъ былъ несогласенъ съ такимъ сужденіемъ архим. Софоніи и совершенно справедливо, на основаніи отчета самого же архим. Софоніи. См. объ этомъ Собраніе мнѣній и отзывы м. Филарета. Изд. подъ редакцію архим. Саввы. М. 1887 г. т. V, ч. I, стр. 336—337.

ства дѣла, многое умирилось бы само собою и тотчасъ же, а прочее слѣдовало бы предоставить времени“.

Съ другой стороны, расположеніе всего сиро-халдейскаго несторіанскаго населенія къ принятію православія не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію. Несторіанскій патріархъ хотя и не выразилъ письменно своего согласія на принятіе православія, но, по увѣренію видѣвшихъ его, желалъ быть православнымъ, и только боязнь турецкаго правительства, зорко слѣдившаго за его движеніями, заставляла его до времени молчать объ этомъ. Наконецъ, и со стороны восточныхъ патріарховъ іерусалимскаго, антїохійскаго и константинопольскаго не предвидѣлось никакихъ затрудненій, а тѣмъ болѣе препятствій къ присоединенію сиро-халдейскихъ несторіанъ къ русской православной церкви; наоборотъ, всѣ они прямо выражали желаніе, чтобы русская церковь взяла въ свои руки это важное дѣло.

На основаніи всего этого и принимая во вниманіе, что дошедшій до персидскаго правительства слухъ о желаніи айсоровъ присоединиться къ русской православной церкви вызвалъ уже со стороны правительства рядъ принудительныхъ мѣръ противъ айсоровъ, архим. Софонія совѣтовалъ, сколько возможно, поспѣшить съ принятіемъ сиро-халдейцевъ въ православную церковь. Въ видахъ ускоренія дѣла, онъ совѣтовалъ принять айсоровъ не чрезъ муропомазаніе, что должно было занять очень много времени, а по одному только акту, который или самъ Святѣйшій Синодъ составить бы, или же предоставилъ бы сдѣлать это уполномоченному, и подъ которымъ бы подписались всѣ представители несторіанской общины, желавшей принять православіе ¹⁾).

Наше церковное правительство сначала энергично взялось было за это дѣло. Въ томъ же 1862 году Св. Синодъ спрашивалъ мнѣнія по дѣлу о присоединеніи сиро-халдей-

¹⁾ См. тамъ же стр 327—328.

скихъ несторіанъ къ русской православной церкви у митрополита Филарета (Дроздова). Митрополитъ Филаретъ отнесся къ этому дѣлу съ обычною, свойственною ему, осторожною мудростію и глубокою проницательностію. Въ своемъ отзывѣ объ этомъ дѣлѣ онъ подвергалъ сомнѣнію искренность расположенія всѣхъ айсоровъ къ принятію православія, признавалъ невыясненнымъ вопросъ о вѣроученіи несторіанской сиро-халдейской общины, не соглашался съ мнѣніемъ, что несторіанъ можно принять въ православіе не чрезъ актъ мвропомазанія и вообще совѣтовалъ отнестись къ этому дѣлу съ возможно большею осторожностію¹⁾. Это было 1 октября 1862 г.

Въ слѣдующемъ 1863 г. снова поднимался и обсуждался вопросъ въ Св. Синодѣ о присоединеніи несторіанъ, при чемъ и теперь обращались за совѣтомъ къ мудрому московскому святителю, который по прежнему отнесся къ этому дѣлу весьма осторожно и, между прочимъ, совѣтовалъ „потребовать свѣдѣнія и мнѣнія“ отъ преосв. Кирилла, начальника духовной русской миссіи въ Іерусалимѣ²⁾. Не знаемъ, обращались ли, дѣйствительно, за отзывомъ о столь важномъ дѣлѣ къ тому, чрезъ кого началось оно и кто, даже по отзыву митрополита Филарета, могъ „нѣсколько ближе другихъ видѣть дѣло“³⁾. Думаемъ, что не обращались, такъ какъ въ то время уже былъ почти рѣшенъ вопросъ объ отозваніи преосв. Кирилла съ Востока.

Вскорѣ за тѣмъ наступили такія политическія событія, какъ, напр., покореніе Кавказа и война съ Турціей, которыя совершенно отвлекли вниманіе нашего правительства отъ вопроса о присоединеніи сиро-халдейскихъ несторіанъ къ православной русской церкви.

¹⁾ См. тамъ же стр. 333—338.

²⁾ См. тамъ же стр. 418—421.

³⁾ См. тамъ же стр. 421.

Но лишь только закончилась послѣдняя русско-турецкая война, приблизившая границу нашего государства къ самому мѣстожителству сиро-халдейскихъ несторіанъ, какъ среди этихъ послѣднихъ съ новою силою пробудилось давнее желаніе и стремленіе принять православіе и стать подъ защиту русской церкви и русскаго государства. Снова начались переговоры, переписка и обсужденіе такого важнаго дѣла, какъ присоединеніе къ нашей церкви цѣлаго, хотя и маленькаго, народа. Св. Синодъ, отнесшійся и на сей разъ къ этому важному вопросу съ глубокимъ вниманіемъ и серьезностію, спрашивалъ мнѣнія многихъ преосвященныхъ архипастерей русской церкви по этому дѣлу. И не смотря на то, что сами сиро-халдейцы усиленно стремились къ соединенію съ православною церковію, обращались съ горячими и слезными моленіями о скорѣйшемъ принятіи ихъ въ православіе и подъ покровъ великой русской церкви и великаго русскаго государства, при чемъ одинъ изъ сиро-халдейскихъ епископовъ (Маръ-Гавріилъ) пріѣзжалъ лично въ Россію хлопотать объ этомъ, тѣмъ не менѣе подготовленіе всего необходимаго для окончательнаго рѣшенія столь важнаго вопроса заняло болѣе 10 лѣтъ¹⁾. Присоединеніе сиро-халдейскихъ несторіанъ по особу, нарочито составленному для сего, чину, „како приимати приходящихъ къ православной церкви отъ несторіанскаго вѣроисповѣданія“, совершилось, какъ сказано, только 25 марта 1898 г., т. е. ровно чрезъ 40 лѣтъ послѣ того, какъ оно началось въ видѣ обращенія сиро-халдейскихъ несторіанъ съ просьбою объ этомъ къ Св. Синоду чрезъ преосв. Кирилла Наумова.

Свящ. О. Титовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ См. Церк. Вѣст. 1898 г. № 12. стр. 412.